
**РЕФЛЕКСИЯ ВНЕШНЕГО МИРА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ САМОРЕФЛЕКСИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ**
УДК 8.0

Г.В. Хлебников

**«ПОРТРЕТ» РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА:
ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
З.Н. ГИППИУС. ЧАСТЬ 1**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, gwvoloshin@gmail.com*

Рассматриваются и соотносятся эксплицитные и имплицитные мотивы публикаций дневниковых и блокнотных записей З.Н. Гиппиус, некоторые приемы артикуляции материала, неявные и явные интенции текста.

Ключевые слова: революция; война; солдаты; власть; русские; немцы; геноцид; этнопсихология; скрытые смыслы.

Поступила: 16.04.2017

Принята к печати: 04.05.2017

G.V. Khlebnikov

**«Portrait» of the 1917 revolution:
Research based on Zinaida Gippius's diaries. Part 1**
*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, gwvoloshin@gmail.com*

The paper considers and compares explicit and implicit motives of Z.N. Gippius's dairies and notepad records. It also analyses certain techniques of articulating materials, as well as implicit and explicit intentions of the text.

Keywords: revolution; war; soldiers; power; Russians; Germans; genocide; ethnopsychology; hidden meanings.

Received: 16.04.2017

Accepted: 04.05.2017

События 1917 г., столетней давности, по-прежнему волнуют, вызывают вопросы, дискуссии, полемику. В этой ситуации представ-

ляется уместным обратиться к свидетельствам тех, кто непосредственно, воочию наблюдал и пережил перипетии происходившего, оставив потомкам дневниковые и блокнотные записи, воспоминания тех потрясших всех современников дней, месяцев и лет.

И мемуары (как они есть) русских писателей, долгие десятилетия скрываемые от того самого народа, которому якобы переворот дал свободу, кажутся в этом ряду одними из наиболее ярких и ценных документов, сохранивших факты, знакомясь с которыми, каждый читатель может сделать собственные заключения о причинах, обстоятельствах и событиях гибели исторической России.

З.Н. Гиппиус в своих записях оставила логически точную и художественно яркую картину того, как то, что в начале именовалось революцией, быстро обрело совсем другие и форму, и содержание, сохраняя которые дольше, чем 70 лет, режим оставался по сути все той же жестокой диктатурой захватчиков (термин З.Н. Гиппиус) над страной и ее народом. Поэтому одна из задач настоящей статьи – представить наиболее репрезентативные, бесспорные и полные части ее нарративов, как бы говорящие сами за себя (вне скрывающего и маскирующего флера трескучих слов и слоганов), указывающие на эксплицитный смысл происходящего процесса уничтожения и гибели исторической России и возникновения совершенно нового режима. И его первые фазы рождения, развития и утверждения зафиксированы ею как в целом, так и в существенных деталях, с редкими наблюдательностью и искренностью.

Особенно ценным представляются те из зафиксированных ею действий новых властителей страны, которые вскоре станут парадигмальными, неоднократно повторяясь в практике репрессий, борьбе с инакомыслящими, политическими противниками (которых будут физически уничтожать и дальше), истребительной борьбе с религией, и прежде всего с ее священниками, верующими; маниакальные фобии протестов и несогласия во всех формах, параноидальная гордость любыми «достижениями», повсеместное снижение уровня образования и культуры и, конечно, ложь везде, во всем и в пантагрюэльных масштабах. Все это Зинаида Николаевна сумела заметить в зародыше, ярко, будто при свете софитов, описать, заклеить и осудить самим фактом их существования, преданного гласности. Поэтому представление текстов З.Н. Гиппиус *in extenso* представляется необходимым условием ее

понимания происходившего в России тех лет, вызванных ими эмоций и мыслей.

Вот начало ее «Черных тетрадей» (1917–1919).

«1917 год

7 ноября, вторник (поздно)

Да, черная, черная тяжесть. Обезумевшие диктаторы Троцкий и Ленин сказали, что если они даже двое останутся, то и вдвоем, опираясь на “массы”, отлично справятся. Готовят декреты о реквизиции всех типографий, всей бумаги и вообще всего у “буржуев”, вплоть до хлеба.

Государственный Банк, вероятно, уже взломали: днем прошла туда красная их гвардия, с музыкой и стрельбой.

Приход всяких войск с фронта или даже с юга – легенды. Они естественно рождаются в душе завоеванного варварами населения. Но это именно легенды. Фронт – без единого вождя, и сам полуразвалившийся. Казакам – только до себя. Сидят на Дону и о России мало помышляют. Пока не большевики, но... какие же “большевики” и эти, с фронта дерущие, пензенские и тамбовские мужики? Просто зараженные. И зараза на кого угодно может перекинуться. И казаки пальцем не пошевелият для вас, бедные россияне, взятые, по команде немцев, в полон собственной чернью.

Знаменитая статья Горького оказалась просто жалким лепетом. Весь Горький жалок, но и жалеть его – преступление» [Черная книга – эл. ресурс].

Уже отмечается основное, что будет продолжаться все время господства новых властителей России: установление контроля над информацией, захват финансов, – и, конечно, что бросалось в глаза: организация всего происходящего «немцами», как она отмечала еще в «Синей тетради».

«24 октября, вторник.

Сейчас большевики захватили “ПТА” (Петроградское Телеграфное Агентство) и телеграф. Правительство послало туда броневиков, а броневики перешли к большевикам, жадно братаясь. На Невском сейчас стрельба.

Словом, готовится “социальный переворот”, самый темный, идиотический и грязный, какой только будет в истории. И ждать его нужно с часу на час.

Ведь шло все, как по писаному. Предпоследний акт начался с визга Керенского 26–27 августа; я нахожу, что акт еще затянулся –

два месяца! Зато мы без антракта вступаем в последний. Жизнь очень затягивает свои трагедии. Еще неизвестно, когда мы доберемся до эпилога. Сейчас скучно уже потому, что слишком все видно было заранее. Скучно и противно до того, что даже страха нет. И нет – нигде – элемента борьбы. Разве лишь у тех горит “вдохновение”, кто работает на Германию» [Синяя книга – эл. ресурс].

Теперь же, в «Черной тетради», фиксируемый процесс «социального переворота» идет дальше и успешнее, разрушая фронт, открыто грабя и уничтожая Россию.

«10 ноября, пятница

Длится. Сместил Ленин верховного главнокомандующего Духонина. Назначил прапорщика Крыленко (тов. Абрама). Неизвестно, сместился ли Духонин. Объявлено самовольное “перемирие”. Германия и в ус не дует, однако.

Далее: захватили в Москве всю золотую валюту. Что еще? “Народных социалистов” запретили. За агитацию любых списков, кроме ихнего, бьют и убивают. Хорошенькое Учредительное собрание! Да еще открыто обещают “разогнать” его, если, мол, оно не будет “нашим»» [Черная книга – эл. ресурс].

Отмечаются развал армии, захват не просто финансов, а уже валюты, золота, запрет политической деятельности, преследование инакомыслящих (как это последнее знакомо тем, кто еще помнит реалии СССР).

Характерна следующая запись, показывающая уже начинающееся, хотя и трагически запоздавшее прозрение даже матросов и солдат.

«18 ноября, суббота

Со мной что-то сделалось. Не могу писать. “Россию продали оптом”. После разных “перемирий” через главнокомандующего прапорщика, после унижительных выборов в Учредительное собрание, – под пулями и штыками Хамодержавия происходили эти выборы! – после всех “декретов” вполне сумасшедших, и сверхбезумного о разгоне Городской Думы “как оплота контрреволюции” – что еще описывать? Это такая правда, которую стыдно произносить, как ложь. Когда разгонят Учредительное собрание (разгонят!) – я, кажется, замолчу навек. От стыда. Трудно привыкнуть, трудно терпеть этот стыд. Все оставшиеся министры (социалисты), выпустив свою прокламацию, скрылись. А те сидят.

Похабный мир у ворот.

Сегодня, в крепости, Манухин, при комиссаре-большевике Подвойском, разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:

– А мы уж царя хотим.

– Матрос! – воскликнул бедный Ив. Ив. – Да вы за какой список голосовали?

– За четвертый (большевицкий).

– Так как же...??

– А так. Надоело уж все это...

Солдат невинно подтвердил:

– Конечно, мы царя хотим.

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться – солдат вдруг удивился, с прежней невинностью:

– А я думал, вы это одобрите...

Не угодно ли?

С каждым днем большевистское “правительство”, состоявшее из просто уголовной рвани (исключая главарей-мерзавцев и оглашенных), все больше втягивает в себя и рвань охранническую. Погромщик Орлов-киевский – уж комиссар.

Газеты сегодня опять все закрыли» [Черная книга – эл. ресурс].

Вот и обещанная свобода слова, печати, выражения мнений и т.д. Вместо них будет установлен такой террор, что люди буквально будут опасаться рот открыть.

А вот еще одно свидетельство, показывающее «моральный облик» низов, участвовавших в *этом*: «У нас, в ночь оргии у Зимнего дворца, на 24-е, в подвале стояло вино на аршин. И ворвавшаяся банда, буйствуя, из-под ног пила и люди падали... “Залились!” – хохочет солдат. Утопленниками вынули» [Черная книга – эл. ресурс].

О заговоре, участии немцев в происходящем – нет и тени сомнения:

«1 декабря, пятница

Винные грабежи продолжаются. Улица отвратительна. На некоторых углах центральных улиц стоит, не двигаясь, кабацкая вонь. Опять было несколько “утонутый” в погребках, когда выбили днища из бочек. Массу растащили, хватит на долгий перепой.

Из Таврического дворца трижды выгоняли членов Учредительного собрания – кого под ручки, кого прикладом, кого в шею. Теперь пусто.

Как будто “они” действуют по плану. Но по какому?

(...)

Игра ведется до такой степени в руку Германии, и так стройно и совершенно, что, по логике, приходится признавать и агентуру Ленина. О Троцком – ни у кого нет сомнений, тут и логика, и психология. Но Ленин, психологически, мог бы и не быть. А вот логика... Интересы Германии нельзя защищать ярче и последовательнее, чем это делают большевистские правители.

Наш еврей-домовладелец, чтобы спасти себя, отдал свою квартиру в распоряжение Луначарского “для просветительных целей”. Там поселился фактор большевиков Гржебин (прохвост), реквизировал себе два автомобиля, наклеил на дверь карточку “Музей Минерва” – и зажил припеваючи. Сегодня к нему от Манухина пошел обедать Горький. Этот страдальческий кретин тоже малограмотен: тоже поверил “Правде”: нашли кадетский заговор! Ив. Ив. даже ужаснулся: “Ну, идите к Гржебину есть мародерские пироги!”» [Черная книга – эл. ресурс].

Вот и поиск «врагов народа», заговоров и грабежи в свою пользу – с тех же самых пор и до конца диктатуры террора.

Характерна следующая запись того же года.

«8 декабря, пятница

Занималась “Вечерним звоном” (такую газетку выпускали в типографии “Речи”) и сюда не заглядывала. Да и все то же. Погромы и стрельба перманентны (вчера ночью под окнами так загрохотало, что я вздрогнула, а Дима пошел в караулку). Но уже все разгромлено и выпито, значит, скоро утихнет. Остатки.

На Юге война, кажется, не только с казаками, но и с Радой. Большевики успели даже с Викжелем поссориться. В Москве ввели цензуру. Они зарываются... или нет? Немецкие войска все прибывают, кишат не стесняясь. Германское посольство ремонтируется» [Черная книга – эл. ресурс].

За всем разгромом и разрухой – немецкие войска, они наступают, продвигаются, требуют все больше. Происходящее – им выгодно, хорошо.

З.Н. Гиппиус однозначно определяет и последнюю точку борьбы за демократическую Россию – закрытие Учредительного

собрания, — отмечая и параллелизм общественной и личной жизни граждан, когда потеря прав и свобод индивида тут же сопровождается катастрофическим ухудшением его экзистенциальных условий жизни в социуме, и часто — быстрой гибелью: «И последний вечер — последняя ночь, единственная ночь жизни Учредительного собрания, когда я подымала портьеры и вглядывалась в белую мглу сада, стараясь различить круглый купол Дворца... “Они там... Они все еще сидят там... Что там?” Лишь утром большевики решили, что довольно этой комедии. Матрос Железняков (он знаменит тем, что на митингах требовал непременно “миллиона” голов буржуазии) объявил, что утомился, и закрыл Собрание. Сколько ни было дальше выстрелов, убийств, смертей — все равно. Дальше падение, то медленное, то быстрое, агония революции и ее смерть. Жизнь все суживалась, суживалась, все стыла, каменела» [Гиппиус — эл. ресурс].

Поясняя ситуацию, писательница сообщает, что к весне 1919 г. в силу многочисленных, всегда угрожающих декретов почти все было «национализировано», — «большевизировано». Все считалось принадлежащим «государству», т.е. реально — большевикам. Ведь теперь только им принадлежала власть, у них была сила против безоружного народа — и они ее применяли повсюду.

Относительно большевиков у нее самой и раньше не было сомнений, как свидетельствует следующий фрагмент ее «Синей тетради»: «1 сентября. Пятница. Большевики же все, без единого исключения, разделяются на: 1) тупых фанатиков; 2) дураков природных, невежд и хамов; 3) мерзавцев определенных и агентов Германии» [Синяя книга — эл. ресурс].

Теперь же она констатирует, что и все основные группы и страты населения России их ненавидят и желают краха. И есть за что.

З.Н. Гиппиус пишет, что оставшиеся фабрики и заводы, все лавки, все магазины, все предприятия и учреждения, все дома, вся недвижимость и почти все крупные движимости — «все это, по идее, переходило в ведение и собственность государства. Декреты и направлялись в сторону воплощения этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощение шло стройно. В конце концов, это просто было желание прибрать все к своим рукам. И большею частью кончалось разрушением, уничтожением того, что объявлялось “национализированным”» [Гиппиус — эл. ресурс].

Отнять, присвоить, пусть даже большая часть погибнет. При этом захваченные магазины, предприятия и заводы закрывались; захват частной торговли повел к прекращению вообще всякой торговли, к закрытию всех магазинов «и к страшному развитию торговли нелегальной, спекулятивной, воровской». На нее большевикам приходилось смотреть сквозь пальцы: рынки оставались единственным источником питания для всех, включая даже большинство коммунистов. Но они тоже были нелегальщиной и периодически подвергались разгрому; и покупающих-продающих хватало на улицах, в частных помещениях, на рынках. Не оставалось ничего личного и частного.

Писательница характеризует подобные акции как «террористические налеты», осуществлявшиеся на рынки со стрельбой и убийствами, кончавшиеся «разграблением продовольствия в пользу отряда, который совершал налет». В первую очередь это было продовольствие, но забиралось и остальное: «старые онучи, ручки от дверей, драные штаны, бронзовые подсвечники, древнее бархатное евангелие, выкраденное из какого-нибудь книгохранилища, дамские рубашки, обивка мебели... Мебель тоже считалась собственностью государства, а так как под полкой дивана тащить нельзя, то люди сдирали обивку и норовили сбыть ее хоть за полфунта соломенного хлеба... Надо было видеть, как с визгами, воплями и стоном кидались торгующие врассыпную при слухе, что близки красноармейцы!» [Гиппиус – эл. ресурс].

Бежали и покупатели, ведь «покупать в Совдепии не менее преступно, чем продавать», – и эта «практика» запрета частной торговли тоже затем сохранялась в течение всего времени, когда у власти были коммунисты, а это жизнь почти трех поколений. Жители называли свою «республику» не РСФСР, а «РТП», «республикой торгово-продажной», как оно фактически и было.

З.Н. Гиппиус особо отмечает чудовищную ложь всего, что связано с новой властью: «Главную характерную черту в Совдепии: есть факт, над каждым фактом есть – вывеска, и каждая вывеска – абсолютная ложь по отношению к факту» [там же]. Эта практика также существовала до конца режима: правдой и истиной считалось лишь то, что говорила и печатала власть. Других источников информации просто не было: иностранные радиостанции, особенно вещавшие на русском языке, тотально подавлялись «глушилками», от которых в эфире стояли непереносимый визг,

вой и надсадное, низкое гудение. Иностранные газеты, кроме нескольких коммунистических, да и то — только в «столицах», не продавались, как и книги, хотя некоторые из них закупались в «спецхраны», быстро превращающиеся в особые библиотеки в библиотеках, доступные лишь особо проверенным товарищам, которые уже практически не читали ничего, достигнув своих партийных и иных постов. Иметь, хранить и тем более давать кому-либо читать такую литературу, было уголовным преступлением, за которое еще в 70-х, 80-х годах XX столетия виновные получали многолетние тюремные сроки.

Петербургские дома, продолжает писательница, уже «полупустые, грязные руины», тоже стали собственностью государства и управлялись «так называемыми “комитетами домовой бедноты”». Принцип ясен по вывеске. На деле же это вот что: власти в лице Чрезвычайки совершенно открыто следят за комитетом каждого дома (была даже “неделя чистки комитетов”) [Гиппиус — эл. ресурс]». Писательница более детально останавливается на этой стороне жизни людей, как касающейся практически всех граждан, наблюдать которую ей было еще тем удобнее, что в подобный комитет их дома вошел знакомый семьи «И.И.».

«И.И. с самого начала пошел — “спасать квартиры от разграбления, жильцов от унижения”. Сначала он был председателем одного из домовых комитетов, но затем его не утвердили — председателем стал старший дворник. Хитрый мужик, смекавший, что не век эта “ерунда” будет длиться и что ссориться ему с “господами” не расчет, — охотно уступал И.И. К тому же дворник более думал, как бы “спекулировать” без риска, и был малограмотен. Остальная “беднота”, состоявшая уже окончательно из спекулирующих, воров (один шофер хапнул на восемь миллионов, попался и чуть не был расстрелян), тайных полицейских (“чрезвычайных”), дезертиров и т.д., благодаря тому же малограмотству и отсутствию интереса ко всему, кроме наживы, — эта “беднота” тоже не особенно восставала против энергичного И.И. Надо все-таки видеть, что за колоссальная чепуха — домовой комитет. Противная, утомляющая работа, обходы неисполнимых декретов, извороты, чтобы отдалить ограбления, разговоры с тупыми посланцами из полиции... А вечные обыски! Как сейчас вижу длинную худую фигуру И.И. без воротника, в стареньком пальто, в четыре часа ночи среди подозрительных, подслеповатых людей с винтовками и кучи баб —

новых сыщиков и сыщиц. Это И.И. в качестве уполномоченного от “Комитета” сопровождает обыски уже в двадцатую квартиру» [Гиппиус – эл. ресурс].

Таким образом, осуществлялось «узаконенное» ограбление более состоятельной части населения малоимущими и бедными, что разделяло народ на антагонистические группы и служило интересам узурпаторов. Поскольку население большей частью было настроено враждебно, его следовало контролировать. Новая власть взяла «на учет» все население Петербурга, любой так или иначе был обязан служить «государству»: «занимать место если не в армии, то в каком-нибудь правительственном учреждении. Да ведь человек иначе и заработка никакого не может иметь. И почти вся оставшаяся интеллигенция очутилась в большевистских чиновниках» [там же].

Отмечая один из методов убийства образованной и наиболее враждебной части населения страны, применяемый властью, свидетельница сообщает, что платили за этот труд «ровно столько, чтобы умирать с голоду медленно, а не быстро. К весне 1919 г. почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости, точно другой человек стал. Опухшим – их было очень много – рекомендовалось есть картофель с кожурой, – но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство – лепешки из картофельных шкурок. Тогда царила вобла – и, кажется, я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах, подымавший голову из каждой тарелки супа, из каждой котомки прохожего» [там же].

Но даже эти условия не могли сломить всех – русская интеллигенция, воспитанная на великих этических ценностях национальной культуры, сопротивлялась как могла: «Новые чиновники, загнанные на службу голодом и плеткой, – русские интеллигентные люди, – не изменились, конечно, не стали большевиками. Водораздел между “склонившимися” и “сдавшимися”, между служащими “за страх” и другими “за совесть” – всегда был очень ясен. Сдавшиеся, предавшиеся насчитываются единицами; они усердствуют, якшаются с комиссарами, говорят высокие слова о “народном гневе”, но менее ловкие все-таки голодают (я все говорю о “чиновниках”, а не об откровенных спекулянтах). Есть еще “приспособившиеся”; это просто люди обывательского типа; они тянут лямку, думая только о еде; не прочь извернуться, где могут, не прочь и ругнуть, за углом, “советскую” власть. Но к чести русской

интеллигенции надо сказать, что громадная ее часть, подавляющее большинство – состоит именно из “склонившихся”, из тех, что с великим страданием, со стиснутыми зубами несут чугунный крест жизни. Эти виноваты лишь в том, что они не герои, т.е. герои, но не активные. Они нейдут активно на немедленную смерть, свою и близких; но нести чугунный крест – тоже своего рода героизм, хотя и пассивное» [Гиппиус – эл. ресурс].

Особенно жестоким репрессиям и давлению подвергались офицеры русской армии, невольно и по террористическому принуждению, которое писательница подробно описывает, ставшие офицерами Красной армии: «Ведь когда офицеров мобилизуют, – пишет З.Н. Гиппиус, – (такие мобилизации объявлялись чуть не каждый месяц) – их сразу арестовывают; и не только самого офицера, но его жену, его детей, его мать, отца, сестер, братьев, даже двоюродных дядей и теток. Выдерживают офицера в тюрьме некоторое время непременно вместе с родственниками, чтобы понятно было, в чем дело, и если увидят, что офицер из “пассивных” героев, – выпускают всех: офицера – в армию, родных под неусыпный надзор. Горе, если прилетит от армейского комиссара донос на этого “военспеца” (как они называются). Едут дяди и тетки – не говоря о жене с детьми – куда-то на принудительные работы, а то и запираются в прежний каземат» [там же].

Продолжая характеристику социальной структуры формирующегося нового общества, писательница выделяет следующие большие группы, отмечая главное, что характерно практически для всех, – либо нейтральность к новой власти, если интересы данной группы прямо не задеты, либо враждебность и ненависть к большевикам: «Собственно народ, низы, крестьяне, в деревнях и в красной армии, главная русская толща в подавляющем большинстве – нейтралы. По природе русский крестьянин – ярый частный собственник, по воспитанию (века длилось это воспитание!) – раб. Он хитер – но послушен, внешне, всякой силе, если почувствует, что это действительно грубая сила. Он будет молчать и ждать без конца, норовя за уголком устроиться по-своему, но лишь за уголком, у себя в уголке» [там же].

Лживый тезис «диктатура пролетариата» (за которым скрывается совсем другая тирания) З.Н. Гиппиус не обманывает, она описывает в своих нарративах и уже начавшиеся расстрелы рабочих, и ограбления с избиениями и репрессиями крестьян, за кото-

рыми позже последуют и «раскулачивания», и массовые выселения этих последних в дальние и необжитые районы страны, стоившие миллионы жизней опять-таки лучших людей деревни: «Рабочие? Пролетариат? Но собственно пролетариата в России почти не было и раньше, говорить же о нем сейчас, когда девять десятых фабрик закрылись, просто смешно. Российские рабочие – те же крестьяне, и с закрытием заводов они расплылись – в деревню, в красную армию» [Гиппиус – эл. ресурс].

За оставшимися в городах, на работающих фабриках рабочими, отмечает писательница, «большевики следят особенно зорко, обращаются с ними и осторожно – и беспощадно. Периодически повторяются вспышки террора именно рабочего. И это понятно, ибо громадное большинство оставшихся рабочих уже почти не нейтрально, оно враждебно большевикам. Большевикам не по себе от этой, глухой пока, враждебности, и они ведут себя тут очень нервно: то заискивают, то неистовствуют. На официальных митингах все бродят какие-то искры, и порою достаточно одному взглянуть исподлобья, проворчать: “надоело уже все это...”, чтобы заволновалось собрание, чтобы занадрывались одни ораторы, чтобы побежали другие черным ходом к своим автомобилям. Слишком понятна эта неудержимо растущая враждебность к большевикам в средней массе рабочих: беспросветный голод, несмотря на увеличение ставок (“чего на эти ленинки купишь? Тыща тоже называется! Куча...” следует непечатное слово), беззаконие, расхищение, царящие на фабриках, разрушение производительного дела в корне и, наконец, неслыханное количество безработных – все это слишком достаточные причины рабочего озлобления» [там же].

Третья группа населения условно может быть понята – в тех условиях – как «средний класс», обычно опора и оплот гражданского общества и власти, по мнению свидетельницы происходящего, также откровенно ненавидит узурпаторов власти, но не имеет лидеров и организаторов. Те, кто потенциально могли бы ими стать, убиты большевиками в числе первых. Писательница, таким образом, обращает внимание на феномен, который позже получит название «генетический геноцид», – когда завоевателями уничтожаются прежде всего лучшие и наиболее талантливые среди покоренных и завоеванных: потенциальные лидеры и организаторы масс, а также их родственники и близкие, – практики, известные из опыта аристократии Спарты в отношении илотов и восточ-

ных деспотий, прежде всего Древнего Китая. «Большевики» так поступали не только по отношению к «среднему классу», но и по отношению к офицерам, дворянам, интеллигенции, священникам.

«Городское обывательское население, полуинтеллигенты, интеллигенты-чиновники, а также верхи и полуверхи красной армии, ее командный состав, – об этом слое уже было упомянуто. Взятый en gros – он в подавляющем большинстве непримирим по отношению к “советской власти”. Нейтралов сравнительно немного, да и нейтралами они могут быть названы лишь в той мере, в какой было названо нейтральным крестьянство. Под тончайшей пленкой – и у них, у нейтралов, лежит самая определенная враждебность к данной власти, трусливая ненависть или презрение. С каким злорадством накидывается обывательщина, верхняя и нижняя, на всякую неудачу большевиков, с какой жадностью ловит слухи о их близком падении. Не раз и не два мне собственными ушами приходилось слышать, как ждут освободителей: “хоть сам черт, хоть дьявол, – только бы пришли! И чего они там, союзники эти самые! Часок только и пострелять с моря, и готово дело! Уж мы бы тут здешней нашей сволочи удрать не дали – нет! Уж мы бы с ней тогда сами расправились!” Но этого “часочка стрельбы” настоящей не было, и разочарованные жители Петербурга после взрыва надежды молчаливо злобными взглядами провожают автомобиль. (Автомобиль – это, значит, едут большевики. Автомобилей других нет.) Захватчики между тем спешат. Троцкий-Бронштейн уже выпустил “декрет о мире”. А захватили они решительно все. Ограблены все» [Гиппиус – эл. ресурс].

О защите Зимнего Дворца З.Н. Гиппиус сообщает, что его обстреливали из тяжелых орудий. Юнкера и женщины защищались от напирających солдатских банд, как могли, и перебили их, «пока министры не решили прекратить это бесплодие кровавое. И все равно инсургенты проникли уже внутрь предательством. Когда же хлынули “революционные” (тьфу, тьфу!) войска, Кексгольмский полк и еще какие-то, – они прямо принялись за грабеж и разрушение, ломали, били кладовые, вытаскивали серебро; чего не могли унести – то уничтожали: давили дорогой фарфор, резали ковры, изрезали и проткнули портрет Серова, наконец, добрались до винного погреба... женский батальон, израненный, затащили в Павловские казармы и там поголовно изнасиловали» [там же].

О моральном уровне политиков даже самого высокого ранга в других партиях ярко говорит следующий факт, схваченный писательницей в одном предложении: «“Министров-социалистов” сегодня выпустили. И они... вышли, оставив своих коалиционистов-кадет в бастионе» [Гиппиус – эл. ресурс].

Начало работы новой власти З.Н. Гиппиус описывает как характерный и явно не случайный тотальный запрет информации и свободы слова (важность которых и для разрушения страны, и для контроля над обществом большевики, наверное, понимали тогда уже лучше всех) следующим образом.

«26 октября, четверг.

Как заправит это пр-во – увидит тот, кто останется в живых. Грамотных, я думаю, мало кто останется: петербуржцы сейчас в руках и распоряжении 200-тысячной банды гарнизона, возглавляемой кучкой мошенников. Все газеты (кроме “Биржевых” и “Р. Воли”) вышли было... но по выходе были у газетчиков отобраны и на улицах сожжены. Газету Бурцева “Общее дело” накануне своего падения запретил Керенский. Бурцев тотчас выпустил “Наше общее дело”, и его отобрали, сожгли, – уже большевики, причем (эти шутить не любят) засадили самого Бурцева в Петропавловку... Мы отрезаны от мира и ничего, кроме слухов, не имеем. Ведь все радио даже получают – и рассылают – большевики» [там же].

Эти последние опираются – это становится все очевиднее – только на штыки взбунтовавшегося гарнизона (явно не желавшего идти на фронт), подонков общества, коллаборационистов, готовых служить любой власти, только бы платили, и дезертиров: «Кажется, большевики быстро обнажатся от всех, кто не они. Уже почти обнажились. Под ними... вовсе не “большевики”, а вся беспросветно-глупая чернь и дезертиры, пойманные прежде всего на слово “мир”. Газеты все задушены, даже “Рабочая”; только украдкой вылезает “Дело” Чернова (ах, как он жаждет, подпольно, соглашательства с большевиками!), да красуется, помимо “Правды”, эта тля – “Новая жизнь”. Петербург – просто жители – угрюмо и озлобленно молчит, нахмуренный, как октябрь. О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни!» [там же].

Относительно «новой власти» у писательницы и раньше иллюзий не было, вот запись из ее «Синей тетради».

«26-го июля

С каждым днем все хуже.

(...). На фронте то же уродство и бегство. В тылу крах полный. Ленина, Троцкого и Зиновьева привлекают к суду, но они не поддаются судейской привлекательности и не намерены показываться. Ленин с Зиновьевым прозрачно скрываются, Троцкий действует в Совете и ухом не ведет.

Несчастливая страна. Бог, действительно, наказал ее: отнял разум.

И куда мы едем? Только ли в голод или еще в немцев и, сверх того, в царство Бронштейнов и Нахамкесов? Какие перспективы!» [Синяя тетрадь – эл. ресурс].

Запись о историческом дне «28 октября, суббота» тоже знаменательна – фиксирует искусственный развал фронта с Германией и бегство, как сейчас полагают многие исследователи, одного из главных скрытных пособников большевиков, масона Керенского.

«Данный, значит, час таков: все бронштейны в беспечальном и самоуверенном торжестве. Остатки “пр-ва” сидят в Зимнем Дворце. Карташев недавно телефонировал домой в общепоспокойных тонах, но прибавил, что “сидеть будет долго”. Послы заявили, что больш. правительства они не признают: это победителей не смутило. Они уже успели оповестить фронт о своем торжестве, о “немедленном мире”, и уже началось там – немедленно! – поголовное бегство.

Позднее. Опровергается весть о взятии б-ми Зимнего дворца. Сражение длится. С балкона видны сверкающие на небе вспышки, как частые молнии. Слышны глухие удары. Кажется, стреляют и из Дворца, по Неве и по Авроре. Не сдаются. Но – они почти голые: там лишь юнкера, ударный батальон и женский батальон. Больше никого. Керенский уехал раным-рано, на частном автомобиле. Улизнул-таки!» [Черная тетрадь – эл. ресурс].

Связь большевиков с Германским генштабом, получение от немцев крупных сумм денег были известны уже тогда. По некоторым данным, 70 млн золотых марок были даны на антигосударственную пропаганду, свержение правительства, развал армии и уничтожение страны, а, по существу, большевики сделали еще много больше: провели избирательный геноцид народа, уничтожая все здоровое и лучшее – включая детей и женщин, – что было создано, выращено и воспитано столетиями культурной деятельности

во всех стратах населения. В эти дни все это проявляется эксплицитно.

«30 октября, понедельник, 7 час. веч.

По городу открыто ходят весьма известные германские шпионы. В Смольном они называются: “представители германской и австрийской демократии”. Избиение офицеров и юнкеров тоже входило в задачу Бронштейна? Кажется, с моста Мойки сброшено пока только 11, трупы вылавливаются. Убит и князь Туманов – нашли под мостом. Штаб на Пречистенке. Много убитых в частных квартирах – их выносят на лестницу (из дома нельзя выйти). Много женщин и детей. Винные склады разбиты и разграблены. Большевистские комитеты уже не справляются с толпой и солдатами, взывают о помощи к здешним. Черно-красная буря над Москвой. Перехлест. Уехать нельзя и внешне (и внутренне). Да и некуда. В Царском убили священника за молебен о прекращении бойни (на глазах его детей). Здесь тишина, церковь все недавние молитвы за Врем. пр-во тотчас же покорно выпустила. Банки закрыты» [Черная тетрадь – эл. ресурс].

Описывает Зинаида Николаевна и большевистские методы агитации, разложения и абсорбции солдатских масс, среди которых кроме лжи и демагогии эффективную роль играли элементарный «натуральный» подкуп и другие «материальные стимулы», включая вино, награбленное в магазинах и складах, – а за всем этим явно чувствуются и метафизические основания большевизма (бесование), о которых провидчески писал еще Ф.М. Достоевский.

«Любопытны подробности недавних встреч фронтовых войск с большевистскими (где всегда есть агитаторы). Войска начинают с озлобления, со стычек, с расстрела... а большевики, не сражаясь, постепенно их разлагают, заманивают и, главное, как зверей, прикармливают. Навезли туда мяса, хлеба, колбас – и расстачают, не считая. Для этого они специально здесь ограбили все интенданство, провиант, заготовленный для фронта. Конечно, и вином это мясо поливается. Видя такой рай большевистский, такое “угощение”, эти изголодавшиеся дети-звери тотчас становятся “колбасными” большевиками. Это очень страшно, ибо уж очень явственен – дьявол» [там же].

Это обращение с людьми вообще, а не только с солдатами, как с животными, которых надо использовать, но не жалко будет и убить, когда необходимость в них отпадет, очень явно проступает

во всей социальной «практике» большевиков с момента захвата ими власти.

Поэтесса рисует лаконичный и резкий портрет Горького тех лет, его отзыв о новых диктаторах, создавших до предела централизованную «партию», от имени которой решала лишь кучка вождей в 1–2 человека.

«У Х. был Горький. Он производит страшное впечатление. Темный весь, черный, “некочной”. Говорит – будто глухо лает... Он от всяких хлопот за министров начисто отказывается. – Я... органически... не могу... говорить с этими... мерзавцами. С Лениным и Троцким... Дима хотел уйти... Тогда уж я прямо к Горькому: никакие, говорю, статьи в “Нов. жиз.” не отделят вас от б-ков, “мерзавцев”, по вашим словам; вам надо уйти из этой компании. И, помимо всей “тени” в чьих-нибудь глазах, падающей от близости к б-кам, – что сам он, спрашиваю, сам-то перед собой? Что говорит его собственная совесть? Он встал, что-то глухо пролаял: – А если... уйти... с кем быть? Дмитрий живо возразил:

– Если нечего есть – есть ли все-таки человеческое мясо?»
[Синяя тетрадь – эл. ресурс].

О намерениях Вильсона З.Н. Гиппиус отзывалась не менее резко, понимая всю тщетность попыток понять происходящее в России, основываясь на «информации», получаемой от самих большевиков.

«Ваша Наивность! Mister Wilson! Вы хотите спросить нескольких евреев под псевдонимами о “воле русского народа”. Что же, спросите, послушайте. Но боюсь, что это недостаточная информация. Вы больше бы узнали, если бы пожили с недельку в Петербурге, покушали нашего овсеца, поездили на трамваях, а затем отправились бы по России... ну хоть до Саратова и обратно. Да не в “министерском” вагоне с “комиссарами”, а с “народом”, со всеми, кто не комиссары, т.е. в вагончиках “скотских”. Там вы непосредственным соприкосновением узнали бы “волю русского народа”. Или, во всяком случае, наверно, узнали бы его неволю. Увидели бы собственными глазами. И собственными ушами слышали бы, что сейчас в России нет, за малыми исключениями, ни одного довольного и не несчастного человека... Жаль, что я не могу дать Вильсону самый практический совет, самый ему сейчас нужный, ему – и всей Европе: не ставьте никаких условий большевикам! Никаких – потому что они все примут, а вы поверите, что

они их исполняют. Есть только одно-единственное “условие”, которое им можно поставить, да и оно, если условие – бесполезно, а благодатно лишь как повеление. Это – “УБИРАЙТЕСЬ К ЧЕРТУ”» [Черная тетрадь – эл. ресурс].

Список литературы

1. Гиппиус Зинаида Николаевна. Дневники. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml (Дата обращения: 22.03.2017.)
2. «Синяя книга». Зинаида Гиппиус. Дневники, воспоминания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gippius.com/doc/memory/sinyaya-kniga.html> (Дата обращения: 22.03.2017.)
3. «Черные тетради (1917–1919)». Зинаида Гиппиус. Дневники, воспоминания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gippius.com/doc/memory/chjornye-tetradi.html> (Дата обращения: 22.03.2017.)

References

1. Gippius Zinaida Nikolaevna. Dnevnik. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml (Data obrashhenija: 22.03.2017.)
2. «Sinjaja kniga». Zinaida Gippius. Dnevnik, vospominanija. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://gippius.com/doc/memory/sinyaya-kniga.html> (Data obrashhenija: 22.03.2017.)
3. «Chernye tetradi (1917–1919)». Zinaida Gippius. Dnevnik, vospominanija. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://gippius.com/doc/memory/chjornye-tetradi.html> (Data obrashhenija 22.03.2017 g.).

Конец первой части. Продолжение статьи (часть 2) будет опубликовано в следующем номере журнала.